

ВЕРА РУДЕНКА

БРАТ БРАТА:

Проданная невеста

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

18+

Вера Рудецкая

Враг брата. Проданная невеста

«Автор»

2026

Рудецкая В.

Враг брата. Проданная невеста / В. Рудецкая — «Автор», 2026

Моя семья разрушена. Брат потерял всё и продал меня человеку, чьё имя вызывает дрожь у многих в городе. Я думала, купить меня — это порочная прихоть миллиардера. Думала, что стану очередной игрушкой. Но причина оказалась страшнее. И как справиться с этой правдой теперь, когда вопреки всему у меня появились чувства?

© Рудецкая В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Г	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вера Рудецкая

Враг брата. Проданная невеста

Глава 1

Демир

Я ненавижу это место. Клуб считается вершиной стамбульского люкса: бархат, позолота, приглушённый свет, скрывающий морщины стареющих миллионеров и дешевизну их спутниц. Здесь пахнет деньгами и скукой. Мои партнёры — два грузных строительных магната — что-то оживлённо обсуждают, перекрикивая басы музыки, но я их не слушаю. Я смотрю на янтарную жидкость в своём стакане и думаю о том, что два года — это слишком долгий срок для траура, но слишком короткий для забвения.

Ясемин бы здесь не понравилось. Она боялась громких звуков, стеснялась откровенных нарядов и всегда опускала глаза, когда мужчины смотрели на неё слишком пристально. Моя тихая гавань. Моё искупление — если мои грехи вообще можно искупить. Моя девочка.

И она умерла.

Я делаю глоток, позволяя напитку обжечь горло. Пожалуй, пора уходить. Сделка закрыта, формальности соблюдены, оставаться здесь дольше нет смысла.

Я уже собираюсь подать знак охране, когда мой взгляд, лениво блуждающий по залу, спотыкается.

Сбой в матрице. Галлюцинация воспалённого мозга.

У соседнего столика, где развлекается компания «золотой молодёжи», стоит официантка — дурацкий стилизованный корсет, слишком короткая юбка, чёрная кружевная маска, закрывающая верхнюю часть лица.

Но маска ничего не меняет. Я узнал бы этот поворот головы где угодно. Линию шеи. Прядь, выбившуюся из причёски.

Бред. Я сам выбирал мрамор для её надгробия.

Один из гостей — кажется, сын какого-то миллионера, уже изрядно набравшийся — хватается девушку за запястье. Тянет к себе, что-то сально нащёптывая в декольте.

Рефлекс срабатывает быстрее мысли. В моей голове эта девушка — Ясемин. А трогать Ясемина я никому не позволю.

Шаг вперёд. Сейчас я сломаю убудку руку.

Только всё идёт не по плану.

Девушка не плачет. Не умоляет. Она размахивается и опускает поднос на голову нападавшего.

— Не трогай меня! — её голос, такой знакомый, перекрывает музыку. А потом она говорит что-то ещё — кажется, по-русски.

Мажор воеет, отпуская её руку и хватаясь за ушибленное место. Поднос с грохотом рушится на пол, бокалы разлетаются вдребезги.

В суматохе с лица девушки слетает маска.

Мир вокруг перестаёт существовать.

Те же глаза, что когда-то смотрели на меня с нежностью. Те же губы, что я целовал тысячи раз. Ясемин. Невозможная копия.

Только в глазах этой девушки горит огонь. Она стоит в боевой стойке, тяжело дыша, и смотрит на обидчика с такой злобой, словно готова перегрызть ему глотку.

— Ах ты сука! — ревет парень, приходя в себя. Он замахивается.

Что-то во мне срывается.

В два шага я оказываюсь рядом, перехватываю его кулак в воздухе и другой рукой бью прямо в переносицу. Хрустит. Он отшатывается, но я уже бью снова — в челюсть, в корпус. Хватаю за грудки и швыряю на стол. Посуда летит на пол, женщины визжат. Мажор пытается встать — я бью ещё раз. И ещё.

— Демир! — чьи-то руки вцепляются мне в плечи. — Демир, хватит!

Меня оттаскивают. Двое партнёров виснут на мне. Охрана уже бежит к нам через зал.

Я тяжело дышу, глядя на окровавленное лицо ублюдка. Костяшки саднит. В ушах нестерпимо шумит.

Он поднимает на меня мутные глаза — и узнаёт. Хмель выветривается мгновенно.

— Демир бей... — голос дрожит, лицо белеет. — Она... эта бешеная... она на меня напала! Вы же видели?

Я дёргаюсь — вцепиться в горло, добить — но меня удерживают.

А потом я гляжу на неё.

Она разглядывает меня с удивлением.

— Что здесь происходит? — суетится менеджер, переводя взгляд с меня на осколки. — Какой кошмар... Это из-за тебя? — он накидывается на девушку. На Ясемин. На её невозможную копию. — Ты уволена. Охрана, вызовите полицию!

Охранник грубо хватается её за плечо. Девушка дёргается, пытаясь стряхнуть его руку, и я замечаю кровь на её локте — зацепило осколком.

— Отпусти, — приказываю я.

Охранник замирает, глядя на менеджера. Тот давится воздухом.

— Но, Демир бей, она напала на гостя...

— Я сказал — отпусти её.

Я шагаю к ней. Вблизи сходство пугает ещё сильнее. Сводит с ума. Хочется протянуть руку, коснуться щеки, убедиться — тёплая, живая. Но я сдерживаюсь.

Запах другой. Чужие духи, слишком дерзкие. И всё же под ними угадывается что-то знакомое — сама она, её тело, её кожа.

— Она уходит со мной, — бросаю я менеджеру. — Ущерб запишешь на мой счёт. Моральную компенсацию этому идиоту — тоже.

Я снимаю пиджак и накидываю ей на плечи. Вульгарный костюм бесит. Никто не смеет видеть это тело.

Девушка вскидывает голову. Тёмно-карие глаза — как у Ясемин — смотрят настороженно.

— Я никуда с вами не пойду, — цедит она по-турецки, с заметным акцентом. — Я вам не шлюха.

Дерзкая. Глупая.

Я наклоняюсь к её уху.

— У тебя два варианта. Либо идёшь с полицией. Либо я везу тебя домой.

— К вам? — она отшатывается.

— К тебе. Впрочем, если хочешь...

— Не хочу.

Она идёт со мной. Маленькая, злая, настороженная — как бродячая кошка.

Мёртвые не возвращаются. Я знаю это лучше, чем кто-либо.

Но отпустить её я уже не могу.

Яся

Даже не знаю, почему я еду с ним так легко. Что-то в его взгляде... Не похоть — её я научилась узнавать давно. Что-то тёмное, болезненное, отчаянное. Он смотрит на меня так, словно я — призрак, который вот-вот растает.

Это должно пугать. Вместо этого — завораживает.

Машина трогается. Район я называю сразу.

— Болит? — он кивает на мою руку.

Я машинально прикрываю порез краем пиджака.

— Пройдёт.

Он усмехается.

— Женщины обычно плачут. Или благодарят за спасение.

— Я не просила меня спасать, — я смотрю на мелькающие фонари за тонированным стеклом. — Сама бы разобралась.

— Видел, как ты «разбиралась». Ещё минута — и тебя бы скрутила полиция.

Спорить — глупо. Я замолкаю.

Расстояние между нами — меньше полуметра, но он заполняет собой всё пространство. Большая ладонь лежит на подлокотнике. На запястье — металл дорогих часов. В каждом движении — привычка брать своё.

— Как тебя зовут? — спрашивает он вдруг.

— Ярослав.

Он повторяет. Медленно. В турецком произношении имя звучит странно, но правильно. В его глазах мелькает что-то странное.

— Необычное имя.

— Мама была русской.

Он кивает, принимая этот факт.

Мы сворачиваем на тихие улицы Бебека. Особняки за коваными оградами, ухоженные сады, мягкий свет фонарей сквозь кроны платанов. Здесь пахнет деньгами и покоем.

Мой спутник хмурится. Начинает внимательнее вглядываться в номера домов.

— Ты уверена, что мы едем правильно?

Я понимаю, что он имеет в виду. Самый дорогой район Стамбула — и официантка из клуба? Не сходится. Только он не знает, что жить мне здесь осталось недолго. Ровно до того дня, когда наш дом уйдёт с молотка.

— Да. Брат ждёт меня.

— Брат, — повторяет он. В голосе что-то рвётся.

— Здесь, — говорю я и тянусь к ручке двери.

Машина останавливается у трёхэтажного особняка с белыми колоннами и тяжёлыми воротами.

Но он не двигается. Смотрит на фасад так, словно видит призрака. Пальцы белеют на подлокотнике. Кадык дёргается.

— Этот дом...

Я медленно поворачиваюсь к нему.

— Дом моего отца.

Тишина. Долгая. Тяжёлая.

Он переводит взгляд на меня. В полумраке его глаза кажутся чёрными — и безумными. Смотрит так, будто мир треснул пополам и сложился заново. Но сложился совершенно неправильно.

— Как зовут твоего отца? — голос хриплый.

— Его звали Садык Йылмаз.

Он закрывает глаза. Секунду мне кажется — он не в себе.

Но он просто выдыхает.

— Выходи.

Я не спорю. Толкаю дверь, ступаю на тротуар. Вдыхаю воздух Босфора.

Шаг к воротам — и за спиной жужжит стекло.

— Ярослав.

Я оборачиваюсь. Он смотрит на меня из темноты салона.

— Я навещу твоего брата. В ближайшие дни.

— Что? — шагаю назад. — Зачем? Я даже не знаю, кто вы...

Стекло ползёт вверх.

— Подождите!

Машина трогается почти бесшумно и растворяется в ночи.

Я остаюсь у ворот. С его пиджаком на плечах. С привкусом безумия на губах. И с ощущением, что моя жизнь только что переворачивается с ног на голову.

Глава 2

В доме пахнет отчаянием.

Запах въелся в стены, в скрипучий пол на верхних этажах, в сам воздух — с тех пор, как я вернулась в Турцию после смерти отца.

Я закрываю дверь, отсекая улицу. На плечах всё ещё лежит его пиджак — тяжёлый, слишком тёплый для душной стамбульской ночи. От ткани тянет густым ароматом дорогого табака. Хочется сбросить, но я лишь плотнее запахиваю полы, словно это может защитить.

— Принесла?

Голос Эмре доносится из темноты гостиной.

Я прохожу внутрь. Брат сидит на диване, не включая свет. Огонёк сигареты пульсирует в полумраке, выхватывая бледное лицо и дрожащие пальцы. Пепел сыплется прямо на ковёр — тот самый, что мама выбирала пятнадцать лет назад, ещё до развода.

— Нет, — говорю я. — Меня уволили.

Эмре дёргается, будто его ударили. Сигарета обжигает пальцы, но он даже не замечает.

— Как... уволили? — голос срывается. — Яся, завтра двадцатое. Халиль пришлёт людей. Если мы не отдадим проценты...

— Я знаю. — Я опускаюсь на жёсткий стул напротив. Голова гудит. — Клиент полез мне под юбку. Я разбила ему голову подносом. Спасибо, что вообще вернулась домой.

Эмре роняет лицо в ладони.

— Мы трупы...

— Надо было продавать бизнес, когда предлагали нормальные деньги.

— Я не мог, — он поднимает на меня мутный взгляд. — Это был... мой враг.

— Какой ещё враг?

— Неважно, — отмахивается он. — Уже поздно.

Всегда так. Полуправда, недомолвки, уклончивые взгляды. Эмре скрывает от меня что-то с самого начала — с того дня, как вступил в наследство. Я не знаю, кто хотел купить бизнес отца. Не знаю, почему он «враг». Не знаю, во что именно мой брат влез.

Знаю только одно: последствия разгребаю всегда я.

— Иди спать, — говорю я. — Утром что-нибудь придумаем.

Эмре не отвечает. Сидит, раскачиваясь, бормоча что-то себе под нос. Я поднимаюсь и ухожу к себе. У меня не осталось сил быть сильной за двоих.

Умыться и в постель — это всё, в чём я нуждаюсь.

Из зеркала ванной на меня смотрит Ясемин.

Те же скулы. Тот же разрез глаз. Те же губы. Разница — во взгляде. У неё он был мягким, испуганным. У меня — дерзким, упрямым.

Иногда я думаю: окажись в той машине я? Смогла бы Ясемин стоять сейчас на моём месте?

Она была цветком.

Я — сорняк.

Сорняки выживают даже на бетоне.

Но и бетон иногда трескается.

Я вздыхаю.

Весь следующий день я провожу в подвале, который теперь гордо именуется нашим офисом.

Вечером бреду домой, не поднимая головы. В груди ноет глухо и вязко. Что дальше? Где взять деньги? Как вытянуть нас ещё хоть на неделю?

У ворот я останавливаюсь.

Две чёрные машины. Тонированные стёкла.

Одна из них слишком знакомая.

Вспоминаю запах табака. Тёмные глаза в полумраке салона. Вчерашняя ночь.

Он здесь.

Ноги словно прирастают к асфальту. Под рёбрами ноет, тревога медленно расползается по телу, до самых кончиков пальцев.

Я толкаю створку ворот.

Зачем он здесь? Приехал за пиджаком? Потребовать компенсацию? Или...

На негнущихся добираюсь до крыльца.

Ступеньки.

Одна.

Вторая.

Третья.

Рука ложится на дверную ручку.

Я вхожу.

В гостиной горит свет.

В старом отцовском кресле, напротив Эмре, сидит вчерашний незнакомец.

В клубе он казался просто опасным. Здесь, среди знакомых стен и облупившейся лепнины, — чужеродным. Хищником, забредшим в овечий загон.

Идеальный костюм. Спокойная поза. В руках — бабушкина чашка со щербинкой. Он пьёт чай так, словно перед ним коллекционный фарфор.

Эмре сидит на самом краешке стула. Бледный. Потный. Проситель, а не хозяин дома.

— Добрый вечер, — говорю я. — Что здесь происходит?

Гость медленно ставит чашку на стол и поднимает на меня глаза.

— Здравствуй, Ярослава.

От звука собственного имени по спине пробегает холодок. Он произносит его так, будто прикасается к оголённой коже.

— Кто вы? — смотрю на брата. — Эмре?

Брат вскакивает.

— Это... Демир-бей. Он какое-то время работал с отцом.

Я никогда не слышала этого имени. Впрочем, меня никогда не посвящали в дела.

— И что же партнёру отца понадобилось в нашем доме? — спрашиваю я.

Демир поднимается. Рядом с братом он кажется великаном — широкие плечи, тяжёлые руки, взгляд человека, привыкшего забирать своё. Он делает шаг ко мне. Воздух в комнате сгушается.

— Я приехал решить ваши проблемы, Ярослава, — говорит он спокойно. — Закрою все долги. Кредиторы исчезнут. Дом остаётся вам.

Холод проходит по позвоночнику.

— Взамен на что?

Ещё шаг. Запах сигар окутывает меня плотным, липким коконом.

Гость молчит.

Я поворачиваюсь к Эмре и вопросительно смотрю.

Брат отводит глаза. Пальцы судорожно теребят пуговицу на рубашке.

— Ты выходишь за него замуж, Яся.

Глава 3

Стою посреди гостиной. Первые несколько секунд мозг просто отказывается обрабатывать этот набор звуков.

Замуж.

За незнакомца.

В горле зарождается смешок — сухой, царапающий связки. Сначала один, потом второй. Смех вырывается наружу и быстро перерастает в злую, рваную истерику.

— Замуж? — выплёвываю, делая шаг к брату. — Ты серьёзно, Эмре?

Брат вжимается в спинку стула, пряча глаза.

Резко разворачиваюсь к гостю. Демир сидит в отцовском кресле. Безупречный костюм, который стоит больше, чем мы с Эмре заработали за последний год. Спокойное лицо. Бабушкина чашка в руках.

— Выметайся. — Голос дрожит от бешенства. — Уходи отсюда.

Хватаюсь за спинку стула — ноги вдруг слабеют от выброса адреналина. Дёргаю на себя. Стул с грохотом летит на пол. Грохот по всему этажу, а затем тишина.

Жду реакции. Хоть чего-нибудь, что объяснит происходящее.

Демир делает медленный глоток чая.

Даже не моргает. Ни один мускул на лице не дрогнул. Смотрит на меня поверх края чашки, как зоолог — на подопытное животное.

Это пугающее спокойствие бесит сильнее любых криков.

Демир аккуратно ставит чашку на блюдце. Звякает фарфор. Лезет во внутренний карман пиджака, достаёт смартфон. Кладёт на стол передо мной.

— Взгляни, Ярослава.

Не хочу смотреть.

Но взгляд сам падает на горящий экран.

Трансляция с камеры видеонаблюдения. Наши ворота. Три чёрных внедорожника. Из первой машины выходят двое. Один закуривает. Второй открывает багажник — что-то достаёт.

Люди Халили.

Приехали за долгом.

Сердце пропускает удар. Потом ещё один. Кажется, вот-вот остановится совсем.

— Они войдут сюда ровно через пять минут, — голос Демира ровный, глубокий, без единой эмоции. — Если я уйду... сама понимаешь, что будет.

Напольные часы турецкого дедушки отсчитывают секунды. Механический, безжалостный ритм.

Тик.

Тик.

Тик.

— Стоит ли рассказывать о вашем будущем?

На экране третий человек выходит из машины. Потягивается. Разминает шею.

Гости не торопятся. Знают, что мы никуда не денемся, и защитить нас некому.

— Пять минут. — Демир поднимается из кресла. Медленно. — Либо ты моя невеста, либо я встаю и ухожу через заднюю дверь.

Наши взгляды сталкиваются.

Не отвожу глаз. Он тоже.

В его зрачках — ничего. Ни угрозы, ни мольбы, ни торжества. Чёрная вода, в которой не видно дна. Смотрит так, будто уже знает ответ. Будто знал его ещё до того, как переступил порог этого дома.

Секунда.

Другая.

Третья.

Челюсти сводит от напряжения. Ногти впиваются в ладони.

Он ждёт.

— Выбор за тобой.

Разворачиваюсь к Эмре. Сгорбленные плечи. Пепел, просыпанный на брюки. Мой брат. Моя кровь. Тот, ради кого таскала тяжёлые подносы и терпела пьяных клиентов весь последний месяц.

— Эмре, скажи что-нибудь, — шепчу. — Скажи, что это шутка. Мы придумаем другой выход. Я займу денег у...

— Нет никаких денег, Яся! — вскидывается он. Лицо бледное, покрытое испариной. — Ничего нет. Халиль убьёт меня. Демир бей — наш единственный шанс!

Подаётся вперёд. Тянет ко мне трясущиеся руки.

— Он не обидит тебя, Яся. Понимаешь?

Отшатываюсь.

Спиной — в край стола. Боль от удара немного отрезвляет.

Смотрю на Эмре. И понимаю.

В этой комнате нас больше не двое. Одна. Совсем одна. Семьи уже нет. Брат только что спрятался за спину, толкая навстречу человеку, которого боится сам.

В груди пустота, холод ползёт по коже.

Тик-так.

Тик-так.

Два шага — и Демир оказывается вплотную.

Запах дорогого табака. Терпкий парфюм. Опасность. Всё это окутывает, перекрывает кислород. Приходится запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в лицо.

В тёмных глазах — ничего от нормального человека.

Бездна.

Одержимость, от которой дрожат пальцы, и я не понимаю причины.

Он поднимает руку. Вжимаюсь поясницей в стол, но бежать некуда. Пальцы касаются щеки. Заправляют за ухо прядь, выбившуюся из хвоста.

Прикосновение обжигает.

— Зачем вам это нужно? — выдыхаю.

Молчание.

Он смотрит. Долго. Пристально. Взгляд скользит по лицу — лоб, скулы, губы. Будто сверяет увиденное с чем-то в своей голове.

Ответа нет.

— Ты станешь моей женой. — Голос низкий, вибрирует где-то под кожей. Наклоняется ближе. Тепло дыхания на губах. — И я хочу, чтобы ты улыбалась.

Опускаю глаза, не в силах выдержать взгляд.

Вздрагиваю всем телом. Стучат в дверь.

Ещё раз.

И ещё.

— Время вышло, Ярослава. — Шаг назад. Отворачивается. — Я жду ответа.

Глава 4

— Хорошо, — выталкиваю я из себя. Одно жалкое, короткое слово царапает горло. — Я согласна.

Демир замирает. Всего на мгновение — будто охотник, услышавший щелчок капкана. В следующую секунду он достаёт телефон. В его движениях больше нет ленивой вальяжности. Теперь это чёткие, выверенные действия человека, привыкшего получать своё.

Он подносит трубку к уху, не сводя с меня глаз.

— Халиль, — бросает он. — Твои люди у дома Йылмазов. Убирай их. Я закрою все долги.

Он сбрасывает вызов. Через несколько секунд двор пустеет. Угроза, нависавшая над нами неделями, исчезает от одного звонка. Вот так просто.

— Свадьба через месяц, — говорит он, убирая телефон во внутренний карман пиджака. Направляется к выходу. — Уверен, ты успеешь подготовиться.

Я моргаю, глядя ему в спину.

— Но это слишком быстро...

Он оборачивается. Тень улыбки касается его губ.

— Зачем оттягивать неизбежное?

Я бросаю взгляд на Эмре. Брат так и сидит на диване, спрятав лицо в ладонях. Он даже не поднимает головы. Не смотрит, как мне подписывают приговор. Не говорит ни слова.

Хлопает тяжёлая входная дверь.

Демир уходит.

А я стою посреди гостиной и пытаюсь вспомнить, как дышать.

Колени мелко дрожат.

— Какая у меня цена? — спрашиваю хрипло.

Эмре вздрагивает. Медленно опускает руки. Его лицо — серая, потная маска. Под глазами залегли тени, на подбородке нервно дёргается мускул.

— Яся... — Он облизывает пересохшие губы. — У нас нет выбора.

— У тебя нет выбора, — поправляю я, делая шаг к нему. — Сколько он заплатил, Эмре?

Брат отводит взгляд. Начинает суетливо ощупывать карманы в поисках сигарет, хотя пачка лежит прямо перед ним на столике.

— Он закрыл долг перед Халилем. Весь. С процентами. Это огромные деньги, Яся, мы бы в жизни их не собрали! А ещё — дом.

— И ты просто согласился? — Я останавливаюсь в двух шагах от дивана. — Человек, которого я вижу впервые в жизни, приходит в наш дом, покупает меня, а ты просто киваешь?

— Да ты не понимаешь! — Эмре вдруг вскакивает. В его голосе прорезается истеричная, злая нотка. Он начинает размахивать руками. — К нам ехали люди Халиля! Ты знаешь, что они делают с должниками? Они бы переломали мне ноги, Яся! А тебя бы пустили по кругу прямо здесь, на этом самом ковре! Ты этого хотела?

Я смотрю на него. Внимательно. На моего старшего брата. Человека, которому я верила. Ради которого я таскала подносы в клубе, терпела сальные взгляды, стирала в кровь ноги.

— И ты решил, что продать меня одному богатому маньяку — это благороднее, чем отдать толпе бандитов?

— Не называй его так! — Эмре морщится, брезгливо отмахиваясь от моих слов. — Демир бей — серьёзный человек. Уважаемый! И пусть были разногласия... Да ты вообще должна благодарить судьбу!

Он подходит ближе, заглядывая мне в лицо, словно пытается найти там подтверждение своему бреду. Глаза Эмре лихорадочно блестят.

— Ты видела, во что он одет? Видела его охрану? Это высшая лига, Яся. Он миллиардер. Ты переедешь в особняк на Босфоре, у тебя будет прислуга, машины, бриллианты. Ты будешь жить как королева! О такой партии любая девушка в Стамбуле мечтает. Я тебе жизнь устроил!

Я слушаю этот поток слов, и внутри меня что-то исчезает. Я даже не знаю, что именно, но становится пусто.

Смотрю на дрожащие руки брата, на пропитанный потом воротник рубашки, на трусливо бегающие глаза. Он не испытывает ни грамма вины. Эмре счастлив. Он сбросил свой груз на мои плечи и теперь искренне верит, что оказал мне услугу.

До этой минуты мне казалось, что мы в одной лодке. Пусть она тонет, пусть Эмре наделал ошибок, но мы вместе. Сейчас я ясно вижу: он сидит в спасательном круге, а я барахтаюсь в ледяной воде. И этот круг он купил за мой счёт.

— Жизнь устроил, — повторяю я, глядя сквозь него.

— Вот именно! — Эмре с облегчением выдыхает, решив, что я смирилась. Он даже пытается погладить меня по плечу, но я отстраняюсь.

— Спокойной ночи, Эмре.

Разворачиваюсь и иду к лестнице.

— Яся? Ты куда? Мы же ещё не договорили! Надо обсудить детали...

Я поднимаюсь на второй этаж, не оборачиваясь.

Духота в спальне давит на грудь. Я распахиваю окно, но вместо свежего бриза с Босфора в комнату вползает духота. Стены дома вдруг кажутся чужими.

Я не могу здесь оставаться. Не сейчас, когда внизу Эмре празднует своё спасение, запивая его дешёвым виски.

Переодеваюсь, засовываю в карман телефон и тихо спускаюсь по чёрной лестнице, ведущей в сад. Просто пройтись. Проветрить голову. Добраться до набережной, купить мороженого, сесть у воды и попытаться понять, что делать дальше.

Выбираюсь на улицу и иду к главным воротам, на ходу доставая ключи.

Но дойти не успеваю.

За кованой решёткой, прямо поперёк выезда, стоит чёрный внедорожник. Двигатель работает, издавая низкий, ровный гул.

Один из автомобилей Демира. Он почему-то не уехал.

Я замираю в нескольких шагах от выхода. Водительская дверь открывается, и наружу выходит мужчина. Высокий, в тёмном костюме, с наушником в ухе. Он даже отдалённо не похож на быков Халиля, которые обычно дежурили у нашего дома. Те сплёвывали шелуху от семечек и отпускали сальные шутки. Этот двигается бесшумно, как профессиональная ищейка.

Он подходит к решётке.

— Доброй ночи, Ярослава ханым.

Голос спокойный. Ни грамма агрессии.

— Доброй, — отзывается я, подходя ближе. — Вы перегородили выезд.

— Верно.

— Мне нужно выйти.

— Демир бей распорядился обеспечить вашу безопасность, — мужчина складывает руки перед собой. — Люди Халиля уехали, но ситуация остаётся нестабильной. Вам не стоит покидать территорию дома в такое время.

Я сжимаю прутья решётки.

— Я иду на набережную.

— Демир-бей считает иначе.

— Но я свободный человек, — говорю я, и мой голос почему-то звучит жалко.

Охранник смотрит на меня с вежливой отстранённостью человека, выполняющего чёткую инструкцию. Для него меня не существует как личности. Я — объект охраны. Являясь человеком власти и контроля, Демир привык подчинять.

— Если вам что-то нужно, Ярослава ханым, скажите. Я отправлю второго водителя, он всё привезёт. Но за ворота я вас не выпущу.

Я смотрю на него. Потом на машину с тонированными стёклами. На пустую улицу Бебека за спиной охранника.

Свобода в двух шагах, но эти два шага преодолеть невозможно. Сила здесь на их стороне. Я могу кричать, могу вызвать полицию, но что я им скажу? Что меня не выпускают из моего же дома люди, которые только что спасли меня от верной смерти?

— Не нужно, — говорю я, разжимая пальцы и отпуская решётку.

— Спокойной ночи, Ярослава ханым.

Я отступаю. Шаг. Другой. Разворачиваюсь и медленно бреду обратно к дому.

Окна гостиной горят жёлтым светом. Там — Эмре. За воротами — люди Демира.

Я поднимаю голову к чёрному небу. Иллюзия выбора растворилась в ночном воздухе. Сделка уже вступила в силу, и Демиру даже не нужно быть здесь, чтобы контролировать каждый мой вдох.

Просыпаюсь утром с дикой болью в голове. Спускаюсь на первый этаж, кутаясь в растянутый домашний кардиган. Эмре нет — видимо, отсыпается в своей комнате после вчерашнего.

В дверь стучат. Коротко, уверенно.

На пороге — курьер в униформе элитной службы доставки. За его спиной у ворот дежурит уже другой человек, но в таком же тёмном костюме.

— Ярослава Ыылмаз? — Курьер протягивает мне планшет для подписи, даже не глядя на мой потрёпанный вид, и начинает заносить в приходящую коробки.

Одну, вторую, третью. Чёрный матовый картон, перевязанный тяжёлыми шелковыми лентами. Пакеты из бутиков, названия которых я видела только на витринах в самых дорогих кварталах Стамбула. Курьер уходит, оставляя меня среди этого глянцевого великолепия.

Я опускаюсь на колени. Осторожно тяну за ленту ближайшей коробки.

Внутри под хрустящей папиросной бумагой — одежда. Дорогой шёлк, тончайший кашемир, идеальный крой. Вещи подобраны точно по моему размеру, словно с меня заранее сняли мерки. Мой старый гардероб, состоящий из выцветших джинсов и толстовок, разом обесценивается. Меня переодевают. Стирают внешние признаки моего прошлого.

На дне самой маленькой коробки лежит бархатный футляр и новый смартфон.

Я нажимаю кнопку включения. Экран оживает. Никаких паролей, никаких лишних приложений. Только базовые настройки. Я машинально открываю телефонную книгу.

Один контакт.

Демир.

Под телефоном обнаруживается карточка. Почерк размашистый, уверенный.

«Твои смены в клубе закончены. В офис больше не ходи. Все твои нужды будут обеспечены. Отдыхай и готовься к свадьбе».

Он даже не спрашивает моего мнения.

Я тянусь к бархатному футляру.

Внутри на белом атласе сверкает кольцо. Платина и крупный бриллиант.

Я медленно достаю его из коробочки. Металл неприятно холодит кожу. Надеваю на безымянный палец. Сидит так, будто всегда там было.

Смотрю на свою руку. На тяжёлое, дорогое клеймо на пальце.

Кажется, пути назад нет.

Следующей ночью сон не идёт. Часы на тумбочке показывают третий час ночи. Я лежу поверх скомканного одеяла, уставившись в тёмный потолок.

Пиджак Демира лежит рядом. Я сама не заметила, как стянула его с кресла и принесла в постель. Пальцы сжимают дорогую ткань, сминая идеальный крой.

Я подтягиваю пиджак ближе, почти накрываясь им с головой. Ткань насквозь пропиталась его запахом: тяжёлый, горький табак, древесные ноты и власть. Запах забивает лёгкие, вытесняет кислород, напоминая о том, кому я теперь принадлежу.

Глаза жжёт. Слезы катятся по щекам, впитываются в наволочку — горячие, злые, бесполезные.

Ненавижу Эмре. За его трусость.

Ненавижу Демира за... За что? За то, что он такой? Или за то, что я сказала «да»?

Я прислушиваюсь. Во дворе тихо. За воротами, я знаю, дежурит чёрный внедорожник Демира. Железная стена, отделяющая меня от всего остального мира.

Я вытираю мокрые щёки шелковой подкладкой пиджака. Дыхание постепенно выравнивается.

Странное, извращённое чувство медленно вытесняет истерику. Мой разум кричит, что я в ловушке, что Демир — опасный хищник, чьи мотивы мне неясны. Мне неприятно от осознания собственной зависимости, но именно рядом с ним я чувствую защиту. Монстр у ворот оказался единственным, кто смог отогнать других монстров.

Закрываю глаза. Тело наливается тяжестью. Впервые за долгое время я расслабляюсь, зная, что этой ночью никто не придёт. Не выломает дверь. Не потребует денег, которых у нас нет.

Впервые — можно просто дышать.

Экран телефона вспыхивает в темноте.

Новый телефон. Единственный контакт. Одно сообщение.

«Машина у ворот. Спускайся. Я жду».

Глава 5

Я спускаюсь по лестнице.

Прохожу мимо комнаты Эмре. Дверь приоткрыта, и оттуда тянет перегаром. Слышно тяжёлое, неровное дыхание. Он спит крепко, без сновидений, с чувством выполненного долга. Он спас себя. Спас этот дом. А цена, которую он заплатил, сейчас тихо крадётся к выходу, сжимая в кармане телефон.

Мне хочется хлопнуть дверью. Разбудить его, накричать, разбить что-нибудь. Но я просто выхожу в ночной город.

Двор пуст. Только у ворот темнеет громада внедорожника. Габаритные огни не горят, но я знаю, что он там. Зверь в засаде.

Подхожу ближе. Задняя дверь остаётся закрытой. Зато передняя, пассажирская, распахивается, стоит мне коснуться ручки. Приглашение. Или приказ.

Сажусь внутрь.

Внутри тихо. Здесь тепло, работает климат-контроль, отсекая влажный воздух Босфора.

Дверь захлопывается.

Демир сидит на месте водителя. Одна рука небрежно лежит на руле, другая — на подлокотнике. Подсветка приборной панели очерчивает резкий профиль, неподвижный, как из камня.

Он не здоровается. Вместо этого тянется к лампе над головой.

Вспыхивает тусклый жёлтый свет. Демир поворачивает голову и медленно, сканирующим взглядом проходит по мне сверху вниз.

Задерживается на старом растянутом кардигане. На джинсах, которые видели лучшие времена. На дешёвых кроссовках.

В его глазах не злость. Там что-то хуже — ледяное неодобрение хозяина, который нашёл изъём в приобретённом имуществе.

— Я прислал тебе вещи, — его голос звучит ровно, но от этого тона хочется вжаться в сиденье. — Не для того, чтобы ты ходила в этом.

— Мне в этом удобно, — отвечаю я, глядя прямо перед собой. — И я не успела разобрать коробки.

Ложь. Я даже не открывала их, кроме той, где лежало кольцо. Это мой маленький, жалкий бунт. Попытка сохранить хоть крохи контроля.

Демир хмыкает. Резкое движение — и его ладонь перехватывает моё левое запястье. Пальцы жёсткие, горячие. Он подтягивает мою руку к свету.

Бриллиант сверкает в жёлтом свете. Камень слишком большой, слишком чистый для моей руки с короткими, ненакрашенными ногтями.

Большой палец Демира с силой проводит по ободку кольца, вдавливая металл в кожу. Больно.

— Оно здесь, — констатирует он. — Оно никогда не должно покидать твою руку, Ярослава. Теперь это часть тебя.

Он отпускает моё запястье так же резко, как схватил. Гасит свет. Салон снова тонет в темноте.

— Зачем я вам? — вопрос вырывается сам. — Мы же виделись всего пару раз. Зачем вам жена, с которой вы едва знакомы?

Демир молчит.

Заводит двигатель. Мотор глухо оживает.

— Пристегнись, — бросает он, выруливая на дорогу.

Мой вопрос остаётся без ответа.

Мы едем по ночным улицам Стамбула. Город пуст. Жёлтые фонари выхватывают из темноты куски тротуаров, закрытые витрины, спящие фасады. Демир ведёт машину агрессивно, но уверенно. Он не смотрит на меня, но я физически ощущаю его внимание — он контролирует каждое моё движение боковым зрением.

Смотрю в окно. Колени подрагивают. Рукав кардигана задирается, обнажая локоть.

Свет фонаря падает на кожу. Там на сгибе, багровеет длинная царапина — след от вчерашнего осколка. Я заклеила её дешёвым пластырем, но он отклеился с одного края, и рана выглядит воспалённой.

Машина резко дёргается. Демир бьёт по тормозам, сворачивая к обочине.

Меня бросает вперёд, ремень безопасности впивается в ключицу.

— Что вы...

Он не слушает. Включает аварийку, щёлкает замком бардачка. Достает небольшую аптечку в жёстком кейсе.

— Руку, — приказывает он.

— Это царапина, — я пытаюсь спрятать локоть. — Само заживёт.

Демир не вступает в дискуссию. Он просто берёт мою руку. Его хватка стальная — вырваться невозможно.

Он срывает старый пластырь одним движением. Я шиплю от боли.

Демир вскрывает упаковку со спиртовой салфеткой.

— Терпи.

Холод спирта обжигает саднящую кожу. Я дёргаюсь, но он держит крепко. Его лицо совсем близко, челюсти сжаты. Он обрабатывает рану тщательно, сосредоточенно, но без капли жалости — так реставратор счищает грязь с дорогой картины. Не потому, что картина болеет, а потому что грязь снижает её ценность.

Накладывает новую повязку. Проводит пальцем по краям, закрепляя клейкий слой. И замирает, не убирая руку.

Его тёплая ладонь накрывает мой локоть. Большой палец начинает медленно поглаживать нежную кожу на внутренней стороне руки.

— Твоё тело теперь принадлежит мне, — говорит он тихо, глядя на повязку. — Ты не имеешь права его портить.

По позвоночнику бежит холод. Это не забота. Это инвентаризация. Но от его прикосновения, от тепла его пальцев внутри поднимается странная, предательская волна — тело реагирует на близость, игнорируя сигналы опасности.

Он, наконец, отпускает меня, убирает аптечку.

Мы снова едем.

Минут через десять машина останавливается. Я узнаю это место — смотровая площадка у парка Улус. Отсюда открывается вид на Босфор и мост, сияющий огнями в черноте ночи.

Здесь никого нет. Только мы.

Демир глушит мотор. В салоне становится пугающе тихо.

Он поворачивается ко мне всем корпусом. В темноте я не вижу выражения его глаз, только блеск.

— Посмотри на меня.

Я поворачиваю голову.

Он наклоняется ближе. Ближе. Ещё ближе. Нарушает все границы личного пространства. Я чувствую жар, исходящий от его тела.

Он вдыхает воздух рядом с моей шеей. Я замираю, боясь шевельнуться. Сегодня на мне нет тех резких духов, которыми я пользовалась в клубе. Я пахну собой — гелем для душа, немного дождём и страхом.

Что-то меняется.

Атмосфера в машине сгущается, становится вязкой. Жёсткость, с которой он только что держал мою руку, исчезает.

Демир поднимает руку и касается моего лица. Костяшками пальцев проводит по скуле, вниз к подбородку. Медленно. Почти невесомо.

Я замираю.

В этом жесте столько тоски, что мне становится трудно дышать.

— Ты здесь... — шёпот, едва различимый.

Его глаза. В них что-то, чего я не понимаю. Что-то болезненное, надломленное. Он смотрит на меня так, будто мы не чужие люди, связанные сделкой. Будто между нами — годы, а не дни.

Сердце сбивается с ритма.

— Но... — начинаю я.

Его пальцы ложатся на мои губы, обрывая слова.

Что-то меняется. Я вижу, как темнеют его зрачки, как дрожит мускул на скуле. Нежность не уходит — она плавится, превращаясь в нечто другое. Более тёмное. Более опасное.

Голод.

Он смотрит на меня так, словно я — единственное, что ему нужно. Единственное, чего он хотел всю свою жизнь.

Он не даёт мне договорить.

Его губы накрывают мои.

Глава 6

Это вторжение. Резкое, жадное, отчаянное. Его губы накрывают мои, язык крадёт воздух и волю. Ладонь скользит к затылку, пальцы зарываются в волосы, фиксируя — не вырваться.

Мои пальцы сами находят лацканы его пиджака и сминают ткань. Меня захлёстывает его голод — горячий, болезненный. Голова кружится. Страх растворяется в ощущении: я — единственное, что сейчас для него важно.

И я отвечаю. Неловко, сбивчиво, забывая дышать.

Демир глухо рычит мне в губы и тянет ближе. Мир сужается до жара его рта и тяжести руки на моём затылке.

А потом всё обрывается.

Он отшатывается, будто обжёгся, ударяется спиной о дверь. Дышит рвано. В тусклом свете его зрачки — огромные, чёрные.

Смотрит на меня.

Что-то в его взгляде гаснет. Черты каменеют. Челюсть сжимается. Тепло исчезает так же быстро, как появилось.

Демир поднимает руку. Проводит тыльной стороной ладони по губам. Медленно. С нажимом.

— Застегнись, — говорит он хрипло.

Опускаю взгляд. Кардиган распахнут, пуговицы вырваны с мясом, под тонкой тканью майки видно, как судорожно вздымается грудь. Пальцы не слушаются, когда пытаюсь запахнуть края. Меня трясёт.

Демир отворачивается. Заводит машину. Двигатель оживает, вибрация проходит по кузову, передаётся мне.

— Что случилось? — голос ломается, звучит жалко.

Он не отвечает. Внедорожник срывается с места, ввинчиваясь в ночную трассу.

Едем молча. Город за окнами превращается в размазанные полосы света. Смотрю на его профиль. Спокоен. Управляет машиной, проверяет зеркала. Делает всё это так, словно на соседнем сиденье пустота. Будто везёт забытую кем-то сумку.

Пытаюсь понять, что сделала не так. Была слишком доступной? Слишком жадной? Недостаточно умелой?

В голове крутится наш поцелуй. Я ведь чувствовала его голод. Это нельзя сыграть. Он хотел меня. Но тогда, почему сейчас смотрит на дорогу так, будто жалеет о каждой секунде на той площадке?

Может, я ему противна? Может, для него я — мусор, к которому можно снизойти от скуки, а потом брезгливо стряхнуть с ладоней?

Машина тормозит. Узнаю наши ворота. За этими мыслями не заметила, как добрались. Замки щёлкают.

Жду. Сама не знаю, чего. Слова? Взгляда? Приказа?

Демир не двигается. Руки лежат на руле. Напряжённо смотрит вперёд.

Мне не нужно объяснять дважды. Нащупываю ручку, толкаю дверь и вываливаюсь в стамбульскую ночь.

Едва захлопываю дверь — машина срывается с места. Красные габариты вспыхивают и тут же исчезают за поворотом. Не стал ждать, пока войду. Просто выбросил и уехал.

Стою одна посреди пустой улицы. Губы горят, на запястье — следы его пальцев. Прижимаю ладонь ко рту, пытаюсь удержать рвущийся наружу всхлип.

Спас. Купил. Поцеловал. Выбросил.

Идеальная схема.

Ворочаюсь до рассвета. Простыни сбиваются, подушка нагревается с обеих сторон. В голове — заезженная плёнка: его пальцы в моих волосах, его рот на моём.

И как он вытирал губы.

Переворачиваюсь на спину. Потолок тонет в темноте.

Но хуже всего не это. Хуже — я не понимаю, когда он успел стать важным. Когда холодный взгляд начал обжигать? Когда его молчание стало громче слов?

Я ненавидела его. Боялась.

Один поцелуй — и я задыхаюсь оттого, что он вытер рот.

Это так глупо.

Сжимаю край одеяла до боли в пальцах.

Завтра всё встанет на свои места. И я больше никогда не буду из-за него страдать.

Открываю глаза. Потолок моей комнаты, трещина в углу, пыль в луче солнца. Всё как всегда. И я — как всегда. Ночная слабость кажется чужой. Всего лишь странный сон.

Не понимаю, что на меня нашло. Ворочалась до рассвета из-за чего? Из-за того, что чужой человек вытер губы после поцелуя? Так и должен был. Мы никто друг другу. Он это знает. Теперь и я запомню.

Внизу гремит посуда. Брат напевает — фальшиво, но с энтузиазмом.

Встаю. Тело ноет, но голова ясная. Натягиваю джинсы, футболку. Иду вниз.

На кухне — хаос. Эмре у плиты, размахивает лопаткой. На столе гора скорлупы, просыпанный кофе, хлебные крошки.

— О, спящая красавица! — Брат оборачивается. Лицо сияет. Под глазами лежат тени от бесконечных пьянок, но взгляд ясный, лихорадочно-весёлый.

Он выглядит как человек, выигравший в лотерею.

— Садись, завтрак готов. — Кивает на тарелку, где плавает в масле пережаренная яичница. — Кофе?

Смотрю на него и не узнаю. Где тот трясущийся от страха человек, который умолял меня о помощи? Передо мной — хозяин жизни.

— Ты поздно вернулась, — подмигивает он, ставя передо мной чашку. Кофе расплёскивается на стол. — Слышал машину. Серьёзный аппарат.

Наклоняется ближе, понижает голос:

— Ну вот видишь, Яська? Я же говорил. Всё уладилось. Ты ему понравилась. Сразу видно — поладили.

Берёт хлеб, макает в желток, отправляет в рот. Жмурится от удовольствия.

— Теперь заживём. Долги закрыты, дом наш. А ты устроилась лучше всех. Демир бей — мужик серьёзный. Не обидит.

Смотрю, как он жуёт. Как двигается кадык. Как крошки застревают в щетине.

Внутри — штиль. Ни злости, ни обиды. Только брезгливость. С такой смотрят на таракана, ползущего по обеденному столу.

Он не просто продал меня. Он счастлив. Искренне считает, что совершил отличную сделку.

— Я не буду есть, — говорю ровно.

— Да ладно тебе, — отмахивается Эмре. — Нервничаешь перед переездом? Понимаю. Свадьба, новый дом...

— Нет никакой свадьбы, Эмре. Есть сделка.

Он замирает с куском у рта.

— Не начинай. Опять ты за своё. Тебе шанс выпал один на миллион...

Разворачиваюсь и выхожу. Его голос летит вслед, но я уже не слушаю.

У меня больше нет брата. Есть человек, с которым нас связывает общая фамилия. Да и то ненадолго.

В комнате три чёрные коробки стоят в углу. Срываю крышку с первой.

Платье. Белое, строгое, закрытое. Ткань плотная, дорогая.

Достаю телефон. Одно сообщение. От него. Десять минут назад.

«В одиннадцать за тобой приедут. Надень белое платье. Старых вещей с собой не бери».

Усмехаюсь.

Что ж. Так даже проще. Никаких иллюзий, никаких недомолвок. Чужой человек отдаёт приказы — я выполняю условия контракта.

Смотрю на шкаф. Свитера, книга с закладкой, шкатулка с дешёвой бижутерией.

Рука тянется к книге. Останавливается.

Зачем? Той, кто её читала, больше нет.

Снимаю одежду. Надеваю бельё из коробки — тончайшее кружево. Затем платье.

Оно садится идеально. Подхожу к зеркалу.

Незнакомка. Бледная, с тёмными глазами. Платье делает меня старше, строже. Стирает Ярославу.

Впрочем, может, это и к лучшему.

Снизу — сигнал автомобиля.

Одиннадцать ноль-ноль.

Оставляю телефон на тумбочке. У меня теперь другой — тот, в котором один номер.

Спускаюсь. Эмре выходит в прихожую.

— Уже? Постой, провожу... Надо же попрощаться по-человечески.

Прохожу мимо. Открываю дверь.

— Яся!

Дверь захлопывается.

У ворот — чёрный внедорожник.

У задней двери ждёт охранник. Идеальный костюм, наушник, бесстрастное лицо.

— Прошу, Ярослава ханым.

Оборачиваюсь. В окне колышется занавеска.

Ничего не чувствую.

Сажусь в прохладную темноту салона.

— Куда едем?

— В резиденцию, госпожа. Демир бей ждёт вас.

Демир бей. Чужой человек, который вчера поцеловал меня и вытер губы.

Я откидываюсь на спинку и закрываю глаза.

Больше никаких глупостей.

Так я думаю — пока не вижу его.

Глава 7

Чёрный внедорожник сворачивает с оживлённой трассы, и гул Стамбула мгновенно стихает, отсечённый стеной из высоких туй. В конце длинной подъездной аллеи, обрамленной идеальными газонами, уже виден особняк — глыба из стекла и холодного камня. Современная архитектура с острыми углами и огромными панорамными окнами, в которых отражается догорающее небо. В доме много света.

Ощущение изоляции накрывает меня, прежде чем машина останавливается. Я смотрю в окно и чувствую, как петля затягивается на шее.

Охранник выходит первым и открывает мою дверь. Руку не протягивает — просто стоит, обозначая направление.

— Приехали, Ярослав ханым, — произносит он бесцветным голосом.

Я выхожу, чувствуя себя объектом, который доставили по адресу и вот-вот поставят на учёт.

Тяжёлая дверь открывается сама собой.

Внутри пахнет ничем. Стерильный, выверенный воздух, лишённый ароматов еды, пыли, живых цветов.

В холле меня встречает женщина в строгом тёмно-сером костюме. Волосы собраны в тугой узел, на лице — маска профессиональной учтивости.

— Меня зовут Неслихан. Я управляющая этим домом, — она слегка склоняет голову, но глаза остаются холодными. — Ваша комната на втором этаже. Полностью готова.

Я иду за ней по бесконечным коридорам. Мимо проходят люди в униформе — горничные, помощники. Не здороваются, не улыбаются. Лишь на мгновение взгляды задерживаются на мне — короткое техническое сканирование, словно сверка лица с фотографией в базе данных. Они знают, кто я и зачем здесь. Моя роль была прописана в их инструкциях задолго до того, как Демир переступил порог нашего старого дома.

Неслихан открывает передо мной двойные двери.

Комната огромная, дорогая, безупречная. Кровать под балдахином, мягкие ковры, в которых тонут ступни, терраса с видом на Босфор. Здесь есть всё. И при этом нет ничего моего — ни одной знакомой мелочи, ни одной вещи, которая помнила бы мои руки.

— Все ваши вещи разобраны и ждут в гардеробной, — роняет Неслихан.

Я захожу в гардеробную и замираю. Моих старых чемоданов нет. Выцветших джинсов, растянутых свитеров, любимых кроссовок — тоже. На полках — ровные стопки шёлка и кашемира. На вешалках — платья, каждое из которых стоит целое состояние. Демир не просто перевёз меня. Он стёр как будто Ярославу Йылмаз. Прежнюю меня здесь не предусмотрели.

Я открываю один из флаконов на туалетном столике. Густой аромат сандала и мускуса — слишком тяжёлый, слишком навязчивый. Запах женщины, которой я не являюсь.

— Демир-бей ждёт вас к обеду, — Неслихан делает знак, и в комнату входят две девушки. — Они помогут вам подготовиться.

— Я сама, — говорю я, отступая на шаг.

— Это распоряжение хозяина, — отрезает управляющая.

Служанка касается моей спины, расстёгивая молнию, и от её холодных пальцев на коже я вздрагиваю. Моё тело больше не принадлежит мне. Оно — часть имущества, которое нужно привести в надлежащий вид.

И мне это совсем не нравится.

Когда они заканчивают, я подхожу к зеркалу. На меня смотрит незнакомка. Идеальный макияж скрывает бледность и тени под глазами. Платье из тяжёлого шёлка облегает фигуру, делая меня старше и недоступнее. Дорогая статуэтка, купленная на аукционе и выставленная в

главной витрине. Я злюсь на это отражение, на свою слабость, на блеск, который кажется мне формой насилия.

А ещё я злюсь на Демира. Злюсь, хоть и делаю вид, что мне всё равно. За то, что поцеловал меня так страстно в тот вечер — а теперь ведёт себя так, будто ничего не было.

Спускаюсь на первый этаж. Дневной свет заливает холодные стены, но это лишь иллюзия уюта. На лестнице замираю, пытаюсь унять дрожь в руках. Каждый шаг даётся с трудом, словно я иду на эшафот, обитый бархатом.

Демир стоит у панорамного окна в столовой, спиной ко мне. В руке — бокал с прозрачной жидкостью. Он не оборачивается, когда я вхожу, но я знаю: он почувствовал моё присутствие. Воздух в комнате становится густым и тяжёлым. Он медленно поворачивается. Взгляд — спокойный, властный — скользит по моему новому образу. Изучает результат своего вложения, не пропуская ни единой детали.

— Ты выглядишь именно так, как я хотел, — произносит он. — Садись. Нам нужно обсудить наше будущее.

Глава 8

Столовая огромна — высокие потолки, тяжёлые портьеры, люстра, которая стоит больше, чем вся моя прежняя жизнь. Мы сидим по разным концам полированного стола, как два враждующих государства. Между нами — три метра тёмного дерева, свечи в серебряных подсвечниках и молчание.

За спиной Демира бесшумными тенями застыл персонал. Они не смотрят на меня — и всё же я чувствую их присутствие. Это превращает ужин в спектакль, где только я не знаю своей роли.

Передо мной тарелка с чем-то изысканным — я даже не знаю названия. Пахнет травами и лимоном. Беру вилку, и пальцы чуть заметно дрожат.

Мне тесно в шёлковом платье — оно красивое, идеально сидит, но ощущается чужеродно. Каблуки слишком высокие, ноги уже ноют. Тяжёлые приборы в руках — непривычные, холодные. Я не знаю, какую вилку брать первой. Не знаю, можно ли пить воду, пока он не начал есть.

Я как маленькая девочка, которую по ошибке посадили за взрослый стол. А все будто ждут: справится или сбежит.

— Завтра к десяти приедет портниха, — произносит Демир, не отрываясь от еды. — Снимет мерки для подгонки свадебного платья. Список гостей готов, документы для регистрации подпишу вечером.

— Подгонка? — переспрашиваю я.

Чтобы подогнать платье, его сначала нужно выбрать. А я не помню, чтобы выбирала хоть что-то.

Демир не отвечает. Не смотрит на меня прямо, но я под прицелом. Каждое движение, каждый вдох.

— Зря собрала, — вдруг говорит он, скользнув взглядом по моей причёске. — Тебе идёт, когда они распушены.

Замечание не вписывается в его официальную маску. Пальцы сжимаются на приборах.

Я пытаюсь отрезать кусочек мяса, но нож соскальзывает. Резкая вспышка боли — и капля крови падает на белоснежную скатерть, расплываясь алым пятном.

Демир оказывается рядом, прежде чем я успеваю вдохнуть. Его пальцы смыкаются на моём запястье — хватка жёсткая.

— Ты можешь быть хоть минуту внимательной?

Голос меняется. Становится ниже, глуше — что-то первобытное проступает сквозь отточенный контроль. Он смотрит на порез так, будто я совершила преступление. И я почти чувствую себя виноватой — хотя палец-то мой.

— Демир-бей, позвольте, я... — Неслихан появляется рядом с аптечкой в руках.

Демир отпускает мою руку, словно обжёгся. Маска вежливости возвращается на место. Он отступает так резко, что я едва не теряю равновесие.

— Обработайте рану. — Он уже не смотрит на меня. — В следующий раз будь осторожнее.

Обед заканчивается так же стремительно, как и начался. Демир встаёт первым, не дожидаясь, пока я закончу. Он снова управляет ритмом моей жизни, не оставляя пространства для манёвра. Мы выходим из столовой вместе, но между нами километры пустоты.

У подножия лестницы он останавливается.

— Не выходи из дома. Территория охраняется, охрана проинструктирована. Это для твоей безопасности. Пока ты здесь, ты подчиняешься общему регламенту.

Я просто киваю. Не соглашаюсь — фиксирую реальность своей новой клетки. Спорить бессмысленно: стены этого дома прочнее моих слов.

— Всего хорошего, Ярослава.

Он медлит секунду, словно хочет добавить что-то ещё, но не добавляет. Я поднимаюсь по лестнице одна, чувствуя его взгляд на спине до самого поворота.

Моя комната — красивая, роскошная клетка. Я не боюсь Демира как человека. Я боюсь того, что здесь у меня нет выбора. Но в этом есть парадокс: в его тотальном контроле я чувствую себя в большей безопасности, чем в той жизни, где брат продал меня за долги. Здесь правила ясны. Всё предсказуемо. И эта предсказуемость — единственное, за что я могу держаться.

Остаток дня тянется в молчании. Неслихан приносит чай, который я не прошу, и исчезает так же бесшумно, как появилась. Я листаю журнал, не вникая в суть, просто чтобы занять руки и голову. Солнце за окном опускается всё ниже, заливая комнату медовым светом. Потом — розовым. Потом — серым.

Закат над Босфором гаснет медленно, словно нехотя. Я смотрю, как небо меняет цвета, как на противоположном берегу один за другим загораются огни.

Ужин приносят в комнату — я едва притрагиваюсь к еде. Где-то внизу приглушённо звучат голоса, хлопает дверь. Потом и эти звуки стихают.

К десяти особняк погружается в тишину. Я принимаю душ, переодеваюсь в шёлковую пижаму — ещё один подарок, которого не просила, — и ложусь.

Темнота за окном густая, непроглядная. Только огни на воде мерцают вдалеке.

Сон не приходит. Я лежу, глядя в потолок, и прислушиваюсь к каждому шороху. Скрип половицы. Шум ветра. А потом — шаги в коридоре. Тяжёлые, размеренные. Они приближаются и замирают у моей двери.

Я не дышу. Жду — сама не зная чего: то ли того, что они удалятся, то ли того, что ручка повернётся.

Глава 9

Полоска света из коридора ложится на пол, и в её тусклом луче я вижу, как медленно опускается латунный рычаг. И замирает.

Сердце срывается с ритма. Я не шевелюсь, вцепившись в простыню, и жду. За дверью, всего в нескольких метрах от меня, стоит Демир.

Но ручка возвращается в исходное положение. Ни скрипа. Механизм работает идеально — как и всё в его мире.

Я слышу тяжёлый выдох. А потом — глухой удар о дверной косяк. Он стоит там, по ту сторону, и борется с чем-то, чего я не понимаю. Или, наоборот, понимаю слишком хорошо.

Проходит минута. Вторая. Тень под дверью исчезает. Он уходит так же бесшумно, как пришёл, — и оставляет меня наедине с колотящимся сердцем и странным, неуместным сожалением.

Утро встречает запахом свежесваренного кофе и неожиданной тишиной. Спускаясь в столовую, я готовлюсь к очередной битве взглядов, к холодной вежливости, от которой сводит скулы.

Демир уже там. Он сидит во главе стола, просматривая документы на планшете. Белая рубашка расстёгнута на одну пуговицу больше, чем обычно, рукава небрежно закатаны до локтей. На предплечье темнеют волосы.

Я останавливаюсь на пороге.

— Доброе утро, — он не поднимает головы, но его голос звучит иначе. Мягче, чем вчера. — Садись. Кофе остынет.

Прохожу к своему месту. Приборы сияют, фарфор кажется хрупким до невозможности. На моей тарелке — тосты, сыр и никакой зелени. Вчера я отодвинула руколу на край тарелки. Он заметил.

— Спасибо, — тихо говорю я, делая глоток.

Кофе идеальный.

Демир откладывает планшет и смотрит на меня. Жёсткая складка между бровей разгладилась.

— Как спалось? — спрашивает он.

Вопрос простой. Но я вспоминаю ночь, поворот ручки и его дыхание за дверью. Щёки предательски теплеют.

— Нормально. — Я опускаю взгляд в чашку. — Дом... тихий.

— Это хорошо, — он кивает, принимая мой ответ. — Сегодня у нас дела. К полудню приедет портниха.

— Портниха?

— Филиз ханым. Она шьёт для моей семьи уже тридцать лет. — Демир берёт джем, намазывает на тост. Его движения спокойные и такие домашние. — Она подготовит твоё свадебное платье.

— Разве нельзя просто купить готовое? — вырывается у меня.

Он замирает с ножом в руке. На секунду мне кажется, что сейчас вернётся тот, вчерашний Демир — холодный и опасный. Но он лишь усмехается.

— У нас есть традиции, Ярослава. Свадебное платье — это не просто тряпка из витрины. Это символ. Ты должна выглядеть безупречно.

В его словах сквозит гордость. Странная, собственническая. И, вопреки здравому смыслу, мне это льстит.

Меня никто никогда не хотел сделать безупречной. Отец не замечал. Мама была слишком погружена в собственные беды. Ясемир... она не нуждалась во мне так сильно, как я в ней. Эмре хотел сделать меня удобной.

А Демир хочет сделать меня королевой.

Я улыбаюсь.

— До приезда портнихи есть время, — он поднимается, бросая салфетку на стол. — Пойдём. Тебе нужен воздух. Ты слишком бледная.

Приглашение, от которого глупо отказываться.

Мы выходим в сад. Ветер с Босфора налетает сразу, бьёт в лицо солёными брызгами, путает волосы. Небо серое, низкое, вода в проливе напоминает расплавленный свинец. Но воздух вкусный, пьянящий.

Мы идём по дорожке из белого гравия к воде. Демир — рядом, руки в карманах брюк. Он не пытается коснуться меня, но держится близко. Так, чтобы закрывать собой от ветра.

— Красиво, — выдыхаю я, глядя на проходящую яхту.

— Опасно, — поправляет он. — Течение здесь коварное. Упадёшь — шансов мало.

— Вы поэтому построили дом здесь? Любите риск?

Он останавливается. Поворачивается ко мне. Ветер треплет ему волосы, бросает пряди на лоб.

— Я люблю контролировать риск. Это разные вещи. — Пауза. Его взгляд задерживается на моём лице. — И говори мне «ты». «Вы» — для людей, которых я держу на расстоянии.

Я делаю шаг назад, пытаюсь убрать волосы с лица, и каблук попадает в щель между камнями. Нога подворачивается. Я нелепо взмахиваю руками, теряя равновесие.

Падения не происходит.

Железная хватка на талии. Рывок — и я впечатываюсь в его грудь. Твёрдую, горячую даже сквозь ткань рубашки.

Я хватаюсь за его плечи, пытаюсь восстановить дыхание. Мы стоим непозволительно близко. Я чувствую запах его кожи — терпкий, мужской, смешанный с морской солью. Слышу, как ровно и сильно бьётся его сердце.

Демир не отпускает меня. Наоборот, его вторая рука ложится мне на спину, прижимая сильнее. Он наклоняет голову. Его глаза сейчас не чёрные — они цвета штормового моря.

— Осторожнее, — произносит он почти шёпотом. Его губы совсем рядом с моим виском. — Я же сказал. Течение коварное.

Меня трясёт. Не от холода — от близости человека, на которого я совсем недавно решила не реагировать. Но когда он рядом, тело предаёт. Хочется прижаться к нему. Спрятаться. Забыть про контракт, про долги, про Эмре.

— Демир...

Его зрачки расширяются. Он смотрит на мои губы — и в этом взгляде голод. Тот, что я видела раньше. Но теперь к нему примешивается что-то ещё. Тоска? Нежность?

Пальцы касаются моей щеки. Горячие, шершавые. Большой палец ведёт по скуле, и я забываю выдохнуть.

— Ты совсем замёрзла, — хрипло говорит он.

Но не убирает руку. Наоборот — его ладонь скользит к затылку, пальцы зарываются в волосы, и он притягивает меня к себе. Медленно. Давая время отстраниться.

Я не отстраняюсь.

Его губы накрывают мои — жёстко, жадно, как будто он сдерживался слишком долго и, наконец, сдался. У поцелуя вкус ветра. Я хватаюсь за его плечи, потому что колени перестают держать, и чувствую, как его вторая рука ложится мне на поясницу, прижимая ближе. Ещё ближе.

Он отрывается первым. Лоб ко лбу. Тяжёлое дыхание — на двоих. Его глаза совсем близко.

И я думаю о том, что, может быть, держать его на расстоянии — не так уж важно.

Может быть, и вовсе не нужно.

Только почему-то становится страшно.

Он разворачивается и идёт к дому, не оглядываясь. Я иду следом, касаясь пальцами губ, которые всё ещё горят.

— Идём в дом, — говорит он тихо. Голос севший, чужой. — Филиз ханым не любит ждать.

Филиз ханым ожидает в малой гостиной. Это крошечная женщина, похожая на сушёный инжир — вся в морщинах, с тёмными, быстрыми глазками-бусинками. На ней строгое чёрное платье, а седые волосы собраны в сложную причёску, которую носили, наверное, ещё полвека назад.

Рядом с ней на диване лежит огромный, плоский кофр, обтянутый бордовым бархатом. Не шуршащие пакеты из бутиков. Не современные чехлы. Это вещь из другой эпохи.

Когда мы входим, она встаёт, опираясь на трость с серебряным набалдашником.

— Демир бей, — голос скрипучий, но сильный. — Давно я не была в этом доме. Слишком давно.

Она смотрит на Демира со странной смесью ностальгии и упрёка.

— Здравствуйте, Филиз ханым, — Демир почтительно кивает. — Спасибо, что приехали.

— Разве я могла отказать?

Её взгляд скользит по мне. Она изучает. Медленно, пристально. Рука на трости мелко дрожит.

— Вы знаете, что делать, — говорит Демир и уходит.

— Подойди, дитя, — говорит Филиз ханым, когда мы остаёмся одни.

Я подхожу.

От неё пахнет лавандой и нафталином.

Она берёт меня за подбородок, поворачивает лицо влево, вправо. Пальцы холодные и сухие. Но взгляд — тёплый.

— Чуть набрала в талии, — бормочет она, проводя большим пальцем по моей скуле. — И бледная совсем. Он тебя не кормит?

Я открываю рот — и закрываю. Она говорит со мной так, словно мы знакомы. Словно знакомы давно.

— Ну ничего, ничего. Давай посмотрим платье. Столько ждали — пора уже, не находишь?

Она ковыляет к сундуку, опираясь на трость, откидывает слои папиросной бумаги. Когда ткань разворачивается, я невольно ахаю. Это не платье. Это произведение искусства. Старинное кружево цвета слоновой кости, расшитое жемчугом. Длинные рукава, высокий ворот, бесконечный шлейф. Хрупкое и величественное.

— Я сшила его по твоим меркам, — Филиз ханым разглаживает кружево с нежностью, с какой гладят ребёнка по щеке. — В последний раз, когда ты приезжала на примерку, всё село идеально.

Я не приезжала. Я никогда не видела эту женщину. Но что-то в её голосе не позволяет возразить.

— Надевай, — кивает она.

Я захожу за резную ширму. Руки дрожат. Платье тяжёлое, ткань прохладная и скользкая. Молния идёт вверх легко, будто по маслу. Ткань облегает талию, грудь, бедра так плотно, словно вторая кожа. Только в талии немного впритык. В остальном — будто сшито на меня.

Это невозможно.

Я выхожу из-за ширмы. Филиз ханым прижимает ладонь к губам. Глаза блестят.

— Почти идеально, — шепчет она. — Как я и думала. Талию поправим.

Я подхожу к высокому зеркалу в золочёной раме. Из стекла смотрит незнакомка. Строгая, печальная, нереально красивая. Кружево оттеняет бледность кожи, делает глаза огромными и тёмными.

— Филиз ханым, — осторожно начинаю я, — а когда вы его сшили?

— Года два прошло, дорогая, — она расправляет шлейф. — Ты забыла? Я думала, вы давно поженились. Столько времени прошло... — Она поднимает на меня глаза, и в них — искреннее недоумение. — Зачем было тянуть так долго? Платье не молодеет. Как и мы с тобой.

Она смеётся — сухо, рассыпчато. А я не понимаю, о чём она. Может, возраст? Начинает путаться? Может.

Но что-то тревожное скребётся изнутри.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.